

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

РЕСУРСЫ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ У СЕМЕЙ И ДЕТЕЙ, ПОЛУЧАЮЩИХ ГОСУДАРСТВЕННУЮ СОЦИАЛЬНУЮ ПОМОЩЬ

Влада Павловна Авдеева

(vladlena.avdeeva@gmail.com)

Анастасия Фридриховна Руппель

СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Авдеева В.П., Руппель А.Ф. (2019) Ресурсы жизнестойкости у семей и детей, получающих государственную социальную помощь. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 22(3): 80–112.

<https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.3.4>

Аннотация. Большинство социальных исследований детей в системе социальной защиты сфокусированы на проблемной ситуации и факторах риска в жизни семьи и ребенка. Целью настоящего исследования является анализ интерпретаций ресурсов семей с детьми, которые являются получателями услуг государственных центров социальной помощи семье и детям (ЦСПСиД) в Санкт-Петербурге. Анализ выполнен с позиции родителей (или официальных представителей детей) и специалистов по социальной работе. В выборочную совокупность вошли 36 кейсов, каждый из которых представляет собой историю получения ребенком государственной социальной помощи. Кейс формируется методом фокусированных интервью с родителями и специалистами. В ходе качественного анализа данных определены интерпретации ресурсов жизнестойкости семьи и ребенка родителями и специалистами, а также проведены сравнения этих интерпретаций. Говоря о ресурсах семьи, специалисты в подавляющем большинстве случаев имеют в виду мотивацию матери, ее личностные и поведенческие особенности, способность обеспечить детей всем необходимым. Из картины семейных ресурсов полностью выпадают мужчины — отцы, отчимы, дедушки. Мало внимания уделяется качеству детско-родительских отношений и отношений между взрослыми членами семьи, а также ресурсам ребенка. Родители говорят о таких ресурсах, как поддержка родственников, членов семьи, друзей и знакомых и собственные личностные качества. Сравнение интерпретаций показывает, что имеет место недооценка специалистами ресурсов семьи и ребенка. Эта недооценка обусловлена спецификой оценки потребностей (или нуждаемости) в социальной помощи, которая не предусматривает аналитических методов сбора информации о семье, а также нормами гендерного и поколенческого неравенства, согласно которым мать отвечает за благополучие семьи, а ребенок является ее частью и не выступает в качестве

самостоятельного субъекта получения помощи и участника действий по выведению семьи из трудной жизненной ситуации.

Ключевые слова: ресурсы, жизнестойкость, жизнеспособность, рискованные и протективные факторы, социальная работа, дети, родители.

Введение

Система социальной работы в отношении семей с детьми в России в последние пять лет претерпевала значительные изменения. Больше внимания уделяется сохранению семьи и профилактической работе с семьями, находящимися в трудной жизненной ситуации и социально-опасном положении, где родители не выполняют свои родительские обязанности. На практическом уровне эта задача возложена на специалистов по социальной работе, ежедневно взаимодействующих с семьями, в которых безопасность и благополучие детей находятся под угрозой.

В исследовании «Социальные траектории детства в современной России» мы фокусируемся на жизненных траекториях детей в возрасте 10–17 лет, признанных нуждающимися в дополнительной поддержке со стороны государства. Цель исследования заключается в том, чтобы описать, как институты социальной защиты детства в их взаимодействии с семейными и поведенческими факторами влияют на жизнь и благополучие ребенка (Любимова и др. 2018).

Выборочную совокупность исследования составляют семьи с детьми, которые получают услуги в Центрах социальной помощи семье и детям (ЦСПСиД) Санкт-Петербурга. ЦСПСиД оказывают помощь семьям с детьми, находящимся в трудной жизненной ситуации или социально-опасном положении (Закон 120-ФЗ, ст. 12, п. 2). Центры социальной помощи семье и детям действуют в 17 районах города (Аналитические материалы о положении детей и семей... 2017: 157). В течение 2017 г. ЦСПСиД и отделения помощи семье и детям комплексных центров социального обслуживания оказали услуги 53 001 семье с детьми, из них 1306 семей находились в социально опасном положении и 22 613 семей — в трудной жизненной ситуации. Самую многочисленную группу среди получателей услуг составляют малообеспеченные и многодетные семьи — более 5,7 тысяч (Аналитические материалы о положении детей и семей... 2017: 164–165).

Практика социального сопровождения семьи с детьми предполагает целенаправленный и планомерный характер работы по эффективному решению проблем с учетом индивидуальных потребностей нуждающейся в помощи семьи. Идентификация ресурсов жизнестойкости семьи и их успешное применение для выведения семьи из трудной жизненной ситуации — один из важных компонентов социального сопровождения (Бай-

бородова 2017). Ресурсный подход является одним из основополагающих принципов Концепции семейной политики в Санкт-Петербурге и предполагает использование внутренних ресурсов, потенциала семьи и внешних ресурсов (Концепция семейной политики в Санкт-Петербурге на 2012–2022 гг.). Однако существующая система диагностики, принятая в ЦСПСиД, не предусматривает глубокого анализа ресурсов семьи.

В настоящее время существует недостаток российских исследований ресурсов жизнестойкости семьи и детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации и социально опасном положении. На наш взгляд, помимо учета объективных показателей, важно изучение субъективных интерпретаций и представлений родителей и специалистов о ресурсах семьи и ребенка. Эти данные позволяют проанализировать достижения и недостатки в сфере идентификации ресурсов в рамках социальной работы с семьей и выработать практические рекомендации для систематического подхода к использованию ресурсов родителей, ребенка и семьи в целом.

Таким образом, цель исследования — анализ интерпретаций ресурсов жизнестойкости семей с детьми, которые являются получателями услуг ЦСПСиД в Санкт-Петербурге.

Теоретические основы исследования жизнестойкости и ресурсов семей и детей

Следует отметить отсутствие единого подхода к определению жизнестойкости (англ. *resilience*) или жизнеспособности. В психологических работах чаще используется понятие жизнеспособности, в социологических — термин «жизнестойкость» (Трубина 2016). В настоящей статье мы будем прибегать к терминам «жизнестойкость» и «жизнеспособность» как взаимозаменяемым.

Наиболее обобщенно жизнестойкость определяется как позитивная адаптация при столкновении с риском или неблагоприятной ситуацией, способность динамической системы противостоять трудностям и восстанавливаться после нарушения (Wright, Masten, Narayan 2013: 17). Жизнестойкость рассматривается как один из процессов (позитивных факторов), уменьшающих уязвимость, наряду с устойчивостью (*hardiness*), адаптацией, приспособлением, контролем над ситуацией (Lösel, Bliesener, Köferl 1989).

В отечественной науке жизнестойкость и жизнеспособность изучаются преимущественно в психологии. Некоторые отечественные авторы, опираясь на теории жизнестойкости западной психологии и социологии, развивают социально-психологический подход: Е.А. Байер, А.И. Лактинова, Е.А., Рыльская и А.А. Нестерова делают акцент на личностных

ресурсах, а Е.А. Писарева, В.М. Архипова, З.И. Зыкова и И.С. Кон — на социальных ресурсах, в частности на семье. Согласно представителям этого направления, жизнеспособность личности предопределяется рядом факторов, существующих на разных уровнях (макро-, микро- и личностном). Однако жизнестойкость в основном изучается как теоретическая и методологическая проблема (Махнач, Лактионова, Постылякова 2014), при этом отмечается недостаток эмпирических исследований, включающих анализ жизнестойкости на разных уровнях. Социологами и психологами почти не затрагиваются социальные и экологические (средовые) аспекты жизнестойкости.

Жизнестойкость исследуется на индивидуальном и социальном уровнях: А.В. Махнач (Махнач, Дикая 2016: 351), Ф. Уолш (Walsh 2016: 316–319) рассматривают семью как целостную систему, а жизнестойкость семьи — как способность отвечать, противостоять стрессам и жизненным трудностям и восстанавливаться после них. Результатом преодоления трудностей становится позитивная адаптация всех членов семьи, укрепление семьи и взаимоотношений между всеми ее членами (Walsh 2016: 316–319).

Как правило, авторы, разрабатывающие теоретические модели и концепции жизнестойкости, фокусируются на ее составных элементах и на характеристиках индивида или группы, обладающих жизнестойкостью. Модель, предложенная Ф. Уолш (Walsh 2016), представляет взаимосвязанные динамические процессы, включающие сильные стороны и ресурсы, которые члены семьи могут мобилизовать как в рамках своей семейной системы, так и при взаимодействии с социальным окружением. Она выделяет девять основных процессов, способствующих жизнестойкости семьи, которые сгруппированы в три сферы функционирования семьи: мировоззренческая система (система взглядов и убеждений), организационные и коммуникативные процессы и процессы, направленные на решение проблем. Эти процессы и эффективное функционирование семьи в целом усиливают жизнестойкость членов семьи при столкновении с трудными ситуациями (Walsh 2016: 8).

Одним из важных факторов жизнестойкости является субъективная оценка ситуации как негативной или нежелательной (Schafer, Shippee, Ferraro 2009; Walsh 2016). М. Шефер с коллегами, разрабатывающие социологическую концепцию жизнестойкости, определяют ее как волевой (добровольный, осознанный), целенаправленный набор ответов, предпринимаемых акторами, чтобы противостоять нежелательным для них событиям (Schafer, Shippee, Ferraro 2009). Придавая решающее значение осознанию ситуации как негативной, Шефер с коллегами в качестве первостепенной задачи, которая возникает перед человеком в кризисной

ситуации, выделяют установление смысла ситуации и определение ее значения. Субъективная оценка неблагоприятной ситуации очень важна: то, что является чрезвычайной ситуацией для одного человека, может восприниматься другими людьми как нормальная часть жизни. Далее следует выработка действий и активация ресурсов для адаптации к неблагоприятным условиям.

Отдельного внимания заслуживает концептуализация жизнестойкости у детей. Предполагается, что столкновение с негативной ситуацией в раннем возрасте будет иметь большее влияние на индивидуальную адаптацию и может в большей степени изменять направление жизненной траектории, чем аналогичное воздействие в старшем возрасте, особенно если негативное воздействие сохраняется в течение длительного периода времени (Schafer, Shippee, Ferraro 2009). Моника Руиз Касарес с коллегами утверждают, что развитие у ребенка жизнестойкости во многом зависит не только от личных особенностей характера и семейных факторов, но и от внешних коллективных факторов и контекстов, которые рассматриваются как социальные аспекты жизнестойкости. Жизнестойкость лучше развита у тех детей, которые на протяжении какого-то времени постоянно сталкивались с неблагоприятными ситуациями, чем у тех, кто столкнулся с неблагоприятной ситуацией единожды. Во многих случаях дети, преодолев невзгоды, приобретают сильные стороны характера, новые перспективы, самостоятельность и навыки, которые позволяют им успешно преодолевать последующие вызовы. Определение и оценка жизнестойкости осуществляется с учетом социальных норм и ценностей культуры, таким образом, это понятие может варьировать в разных культурных контекстах (Ruiz-Casares et al. 2014: 2384).

Жизнестойкость детей в одних исследованиях предстает как процесс, включающий психологические черты, навыки и копинг-механизмы, влияющие на результат (Friborg 2014: 564), в других — как сам результат успешной адаптации в неблагоприятных условиях и под воздействием стресса (Гурович, Сторожакова 2010; Friborg 2014; Masten 2014; Ruiz-Casares et al. 2014). Кроме того, существуют разногласия относительно того, является ли жизнестойкость уникальной характеристикой исключительных детей или она доступна большинству детей через обучение и развитие навыков (Ruiz-Casares et al. 2014: 2387).

Ресурсы семьи

Практический потенциал исследований жизнестойкости давно известен (см.: Райт, Мастен и Нараян 2013: 15–16). Существует множество различных исследований, которые показывают влияние тех или иных

ресурсов на жизнестойкость семьи. В целом они могут быть сгруппированы в три основные области: первая включает в себя персональные, биологические, генетические, темпераментные или диспозиционные черты, навыки, умения или установки; вторая — ресурсы семьи с точки зрения стабильности, сплоченности, эмоциональной близости, эмпатии и поддержки; и третья — множество социальных и экологических ресурсов — надлежащие жилищные условия, занятость, социальная защита, доступность медицинской помощи (Friborg 2014). По мнению К. Муздыбаева, ресурсы могут быть материальными и нематериальными, часто они могут быть объектами обмена, например, деньги, товары, услуги, информация, имущество, статус (Муздыбаев 1998: 100–111). Важнейшую группу составляют ресурсы социального окружения — помощь со стороны друзей и родственников.

Согласно А.В. Махначу, ресурсы семьи — это ценные социальные, экономические, психологические, эмоциональные и физические характеристики и качества, которые члены семьи могут использовать для совладания со стрессом. К ним относятся гибкость семейных границ, ролевая гибкость, возможность пересмотра семейных правил, ясная коммуникация, умеренная сплоченность семьи, открытость в восприятии окружающего мира и взаимодействию с ним (Махнач 2016: 361–362).

Зарубежные исследователи понимают ресурсы семьи шире, а именно как социальные, психологические, биологические и другие возможности, которые потенциально могут способствовать семейной жизнестойкости и устойчивости семьи в ситуации риска (Henry et al. 2015). При этом все чаще рассматриваются не только индивидуальные, внутренние ресурсы (как отдельного члена семьи, так и семьи в целом, как группы), но и ресурсы из внешних источников. Так, социальная поддержка зачастую рассматривается как ресурс преодоления жизненных трудностей. Однако есть и другое мнение. Ресурсы семьи и социальная поддержка облегчают адаптацию, но по-разному: ресурсы семьи напрямую влияют на адаптацию, а социальная поддержка снижает посткризисные последствия (McCubbin, Patterson 1983: 7–37).

Процесс активации ресурсов центральный для социологической концепции жизнестойкости. Активация ресурсов рассматривается как способ реконфигурации (трансформации) уже доступных ресурсов для решения проблемы или как способ, с помощью которого ранее недоступные (компенсирующие) ресурсы мобилизуются (Schafer, Shippee 2009).

Взаимосвязь между семейными ресурсами и индивидуальными ресурсами ее членов может меняться на разных этапах жизненного цикла семьи и в зависимости от актуальных задач (Постылякова 2015). Наличие

ресурсов обеспечивает адаптивный потенциал, однако они могут не использоваться. Барьерами для их мобилизации являются культурные и социальные нормы, личностные качества, недооценка рисков и др.

В контексте социального сопровождения семей с детьми социальная модель, ориентированная на ресурсы, сильные стороны и жизнестойкость, противопоставляется медицинской модели, которая предполагает отношение к получателям социальной помощи как обладающим дефицитом ресурсов (Махнач, Лактионова, Постылякова 2018). Например, говоря о социальной поддержке замещающих семей, А.В. Махнач с коллегами предполагает оказание помощи в осознании собственных ресурсов и развитие навыков для их использования на первом этапе сопровождения семьи (Махнач, Лактионова, Постылякова 2018). Следующий этап работы заключается в формировании новых ресурсов. Таким образом, осознание и мобилизация собственных ресурсов, по мнению авторов, являются компонентом эффективного социального сопровождения.

Ресурсы детей

Ресурсы жизнестойкости детей — самостоятельный предмет исследования зарубежной социологии уже длительное время. Важнейшим ресурсом жизнестойкости ребенка является связь с компетентным и заботящимся взрослым. Значимые взрослые могут быть родными родителями, а могут и не быть ими, или вообще не входить в состав семьи ребенка. Значимым взрослым может стать учитель, тренер, бабушка или дедушка, сестры, братья ребенка, неродные родители (отчим, мачеха) и др. (Walsh 2016: 2; Werner, Smith 2001; Ungar 2004: 23–41). Они могут играть важную роль и выполнять функцию поддержки даже при негативных детско-родительских отношениях и при ненадлежащем воспитании.

На основе обобщения лонгитюдных исследований А. Мастен выделяет три основные группы ресурсов жизнестойкости у детей: их интеллектуальные способности (IQ), социально-экономический статус и качество родительства (parenting quality), которые отражают фундаментальный человеческий и социальный капитал, необходимый для развития и социализации ребенка (Masten 2004: 1075). Дж. Клаузен использует термин «компетентность планирования» (planful competence), который включает в себя множество адаптивных компонентов, среди которых постановка реалистичных целей, интеллектуальные способности, продуктивность, самоконтроль и уверенность в себе (Clausen 1991: 805–842).

Завершая обзор исследований, отметим, что жизнестойкость и ресурсы семьи и ребенка — это активно изучаемый предмет. Ресурсный подход и анализ жизнестойкости семей признается перспективным направлением

ем исследования, в частности, путей решения проблем семей, которые являются целевой группой государственного социального обслуживания (Махнач 2016). В то же время можно отметить острый дефицит эмпирических исследований жизнестойкости и ресурсов семей с детьми, находящихся на социальном обслуживании, в российском контексте. Наша статья призвана до некоторой степени восполнить этот пробел.

Методология

Для целей настоящего исследования операционализация понятия жизнестойкости (resilience), используемая при анализе данных, основана на теоретической модели М. Шефера, Т. Шиппи и К. Ферраро (Schafer, Shippee, Ferraro 2009). Жизнестойкость понимается как процесс преодоления трудной/негативной ситуации посредством активации (мобилизации или реконфигурации) индивидуальных и социальных ресурсов при условии субъективной оценки ситуации как негативной или нежелательной. Ресурсы включают следующие виды: материальные ресурсы, индивидуальные характеристики, ресурсы социальной поддержки, социальный статус, отношения внутри семьи, — но не ограничиваются ими.

Мы попытаемся ответить на три исследовательских вопроса: 1. Какими ресурсами жизнестойкости обладают семьи и дети, которые признаны нуждающимися в дополнительной поддержке со стороны государства? 2. Какие ресурсы жизнестойкости семей и детей идентифицируют специалисты, которые им помогают? 3. Как соотносятся точки зрения специалистов и родителей на имеющиеся у семьи или ребенка ресурсы жизнестойкости?

Мы предполагаем, что в связи с отсутствием методов качественной диагностики при поступлении семей на социальное обслуживание специалисты по социальной работе недооценивают имеющиеся у семей и детей ресурсы и, соответственно, не используют в полной мере возможности улучшения жизненной ситуации.

В выборку вошли 36 кейсов жизненных траекторий детей в возрасте от 10 до 17 лет. Каждый кейс представляет собой историю взаимодействия ребенка и его родителей с системой социальной защиты. В выборке представлены семьи с детьми, получающие услуги в районных Центрах социальной помощи семье и детям Санкт-Петербурга. Интервью были проведены в период с сентября по декабрь 2017 г.

Для статьи были отобраны семьи, в которых в настоящее время или в недавнем прошлом имела угроза благополучию ребенка. Основой для отбора стал ответ специалиста на вопрос «Какая проблема, на Ваш взгляд, является основной в жизни этой семьи и ребенка? Касается ли эта

проблема семьи в целом или именно ребенка?» Проблемы, которые связаны непосредственно с поведением ребенка, включают низкую успеваемость и прогулы (8), совершение ребенком административного или уголовного правонарушения (4), побеги детей из дома (3). Проблемы, связанные с родителями, включают неисполнение родительских обязанностей (как правило, по причине алкогольной зависимости родителя) (8), насилие в отношении ребенка (3), конфликты между родителями и детьми (2). В выборке также присутствуют семьи, преодолевшие риски изъятия ребенка из семьи, в том числе те, в которых родитель восстановился в родительских правах после ограничения (6), и семьи, в которых родители были лишены прав, а ребенок перешел под опеку ближайших родственников (6). В этих 36 кейсах 22 мальчика и 14 девочек. Средний возраст детей — 13,9 лет.

Из числа 36 семей, отобранных для анализа, 15 на момент проведения интервью были признаны находящимися в социально опасном положении (СОП), остальные получали социальную помощь по личному заявлению. Длительность получения помощи в ЦСПСиД составила менее года у 15 семей, у шести семей — около двух лет, у пяти — три-четыре года, 10 семей получают помощь в течение пяти и более лет.

С родителями (или официальными представителями) и со специалистами были проведены глубинные интервью. Всего было проведено 34 интервью с родителями (официальными представителями) и 34 — со специалистами по социальной работе (в некоторых случаях специалист по социальной работе или родитель отказались от участия в исследовании или были недоступны для проведения интервью). В каждом интервью речь шла о конкретном ребенке (даже если семья многодетная). Специалисты отвечали на вопросы о том, при каких обстоятельствах семья оказалась на обслуживании в ЦСПСиД, с какими официальными статусами, как давно, какая проблема является основной на момент проведения интервью, как осуществлялась диагностика семейной ситуации, какова цель работы в настоящее время, какие меры помощи оказываются семье, каков результат этой помощи или достигнутый прогресс. Для оценки ресурсов жизнестойкости семьи и ребенка с точки зрения специалиста были заданы следующие вопросы: Какими ресурсами и сильными сторонами обладает семья и/или ребенок? Насколько, по Вашему мнению, эта семья способна самостоятельно справиться со своими проблемами? Интервью с родителем было посвящено истории ребенка, включая основные важные события и контакты с системой социальной защиты, особенностям здоровья и поведения ребенка, социального окружения, учебы в школе, трудностям в воспитании ребенка и мерам, предпринимаемым

родителем для разрешения этих трудностей. Для оценки ресурсов жизнестойкости семьи и ребенка с точки зрения родителя им задавались следующие вопросы: Хватает ли ресурсов Вашей семьи для того, чтобы разрешить эту проблему? Как Вы оцениваете собственные способности преодолеть трудные жизненные ситуации?

После получения информированного согласия осуществлялась аудиозапись интервью с родителями и специалистами, затем все аудиозаписи были расшифрованы. В числе родителей (официальных представителей) 35 женщины и 1 мужчина, в 30 кейсах — это кровный родитель, в шести — опекун (как правило, бабушка или тетя ребенка). Следует отметить, что выбор родителя для участия в исследовании основывался на том, кто из членов семьи заключил договор с ЦСПСиД. Средний возраст родителей (официальных представителей) составил 39 лет. Шестнадцать семей — монородительские, в остальных имеется отец или отчим. Среди специалистов по социальной работе, принявших участие в исследовании, все женщины. Стаж работы составляет от полугода до 26 лет, средний стаж 11 лет. Два высших образования есть у пяти специалистов. У 20 специалистов — одно высшее, и у одного — среднее педагогическое (в процессе получения высшего образования). Восемь специалистов имеют психологическое образование, 11 — специалистов по социальной работе, 5 — педагогическое образование.

На первом этапе анализа данных были разработаны априорные коды. В процессе анализа книга кодов была дополнена апостериорными кодами, которые были разработаны в ходе обсуждения процесса анализа данных членами исследовательского коллектива — соавторами статьи. Коды «ресурсы семьи» и «ресурсы ребенка» были присвоены как ответам родителей и специалистов по социальной работе на приведенные выше вопросы о ресурсах, так и высказываниям, которые встречались в других частях интервью. Обработка данных осуществлялась в программе Atlas.ti.

Одной из основных трудностей анализа стало разнообразие проблемных ситуаций, в отношении которых требуется мобилизация ресурсов жизнестойкости. В некоторых семьях проблема заключается в нарушении функционирования всей семьи, в других проблема затронула преимущественно ребенка. В связи с этим анализ ресурсов жизнестойкости нам пришлось проводить как в отношении семьи в целом, так и в отношении ребенка. В следующем разделе мы рассмотрим отдельно ресурсы жизнестойкости семьи с точки зрения специалиста (1) и с точки зрения родителя (2) и ресурсы жизнестойкости ребенка с точки зрения специалиста (3) и родителя (4), а также то, как соотносится мнение специалиста и родителя в отношении ресурсов семьи и ресурсов ребенка.

Результаты исследования

1. Ресурсы семей с точки зрения специалистов по социальной работе

Рассмотрим ресурсы семьи, которые упоминали специалисты, в порядке частоты их появления в интервью. В скобках указано число респондентов, назвавших этот тип ресурсов. В ответ на вопрос о ресурсах семьи, которой они помогают, специалисты в первую очередь называли личностные особенности родителей — интеллект, активность, способность матери совмещать работу и воспитание детей (17).

«Но она на работу тоже старается так ходить, чтобы можно было отвести ребенка и самой забрать ребенка. То есть, она не идет на работу, где много платят, но она не будет ничего успевать. Она работает, да. Сейчас она работает помощником воспитателя, до этого она работала уборщицей. Она отводила детей там, в школу, в садик, и возвращалась, чтобы забрать М. // То есть у нее такая ценность? // Семейная, да. Дети для нее очень важны» (кейс 29).

Большинство специалистов делают акцент на личностных качествах мамы (или бабушки-опекуна). Личностные качества мужчины упоминаются только в контексте воспитания, точнее, дисциплинарных мер в отношении мальчика.

«Сейчас подростковый период. А. в школу почти не ходит, маму не слушается. Я считаю, что ему сейчас особенно нужна мужская рука, но ее, к сожалению, нет. А мама с двумя детьми не особо справляется» (кейс 37).

Вторым по частоте упоминания стало осознание родителями наличия проблемы (15). В качестве показателей такого осознания выступают самостоятельное обращение за помощью в ЦСПСиД (5), мотивация и заинтересованность в решении проблемы (7), готовность родителя идти на контакт со специалистами (3). Говоря об осознании проблемы, специалисты во всех случаях имели в виду мать, но не отца или ребенка. Только в одном случае респондент упомянул мотивацию со стороны и мамы, и ребенка.

«Они понимали, что проблемы есть, что школу заканчивать надо, и надо что-то делать, надо как-то двигаться. Вот это осознание ими ситуации — это, я считаю, ресурс немалый» (кейс 13).

Третью по частоте упоминания категорию составляют ресурсы социальной поддержки семьи, которые включают помощь родственников и членов семьи ребенка (11), а также друзей и знакомых родителей (3). Поддержка может осуществляться в конкретных сферах: помощь с освоением школьных предметов, организация каникул/досуга ребенка, материальная и психологическая поддержка родителей. Помимо этого, родственники и члены семьи представлены как ресурс благодаря наличию доверительных отношений с ребенком.

«У них там появились друзья, которые тоже ей помогают: и с тренировок могут забрать ребенка, и на выходные на дачу зовут <...> Ну бабушка с дедушкой по мере возможности помогают тоже, конечно: на каникулы детей забирают, и лето дети там проводят на свежем воздухе, на овощах и фруктах» (кейс 56).

Помимо поддержки со стороны родственников и друзей родителей, практически так же часто респонденты отмечали помощь ЦПСИД как самостоятельный ресурс семьи (11).

«Мы с ней почти, я чуть постарше, поэтому мы с ней даже на “ты” общаемся, то есть в роли подружек» (кейс 6).

Наличие у семьи материальных ресурсов отметили только шесть респондентов, что может быть обусловлено низким уровнем материального благосостояния семей. К группе материальных ресурсов относятся наличие у семьи отдельной квартиры (2), наличие у ребенка личного пространства (2), материальная помощь родственников/членов семьи (3), достаток (1), получение материальной помощи в виде пенсий, пособий и гуманитарной помощи (1). Только один из респондентов определял гуманитарную помощь, которая предоставляется ЦПСИД, в качестве ресурса семьи, при этом многие семьи, которые приняли участие в настоящем исследовании, получали материальную помощь от государственных учреждений и НКО.

«Тут в общем все есть, у нее (у ребенка) свой угол, все, что нужно, там есть. Что нужно ребенку вот так вот, такому подростку? Нужно свое пространство, своя книжная полка, стол и возможность побыть одному, делать уроки, что еще ребенку нужно?» (кейс 13).

Респонденты редко упоминают доверительные отношения между родителями (или другими законными представителями) и детьми (6)

и положительные отношения между родителями и другими членами семьи (2) в качестве ресурса. Еще реже они говорят о религиозности и навыках преодоления трудностей у родителей.

Образование родителей (5) рассматривается в двух аспектах: как перспектива увеличения заработка или возможность устройства на работу, требующую высокой квалификации, и как ресурс в выстраивании позитивных отношений с ребенком (в некоторых случаях упоминается безотносительно определенной сферы применения).

«Мама сейчас работает, но еще и учится на младшую медсестру, возможно, через пару лет сможет зарабатывать больше» (кейс 78).

Говоря о ресурсах и сильных сторонах семьи, специалисты часто упоминали барьеры, препятствующие мобилизации ресурсов. В их число вошли отсутствие у родителей оценки ситуации как негативной и мотивации родителей на получение помощи в ЦПСИД.

«...ресурсов немного, даже не знаю, что сказать, но тех ресурсов, которые сейчас есть, в принципе для решения проблем... — их достаточно, просто здесь все зависит от самого папы, который... все равно ничего не делал» (кейс 4).

Также в контексте барьеров для мобилизации ресурсов и преодоления трудной ситуации специалисты назвали особенности поведения и личностные качества родителей, в частности отсутствие навыков самостоятельного решения проблем, ответственности, правовой грамотности. В высказываниях специалистов по социальной работе часто встречаются патерналистские высказывания, что позволяет думать, что сама «опекающая» модель работы специалиста может быть барьером для мобилизации ресурсов семьи.

«Ну вот ее лучше как-нибудь поддерживать, мне кажется, лишний раз напоминать <...> Она такая, она может сказать: “Да, да, да”, — потом тут же пойти и как-то забыть об этом...» (кейс 3).

2. Ресурсы семей с точки зрения родителей

При оценке родителями собственных возможностей преодолевать трудные жизненные ситуации 13 респондентов ответили, что им хватает своих внутренних ресурсов, чтобы справиться с возникшими проблемами.

Небольшое число родителей (4) сомневаются в том, что им нужна какая-либо помощь, приобретение знаний и навыков в настоящее время. Они признают, что в их семье существуют проблемы, но надеются на возможность справиться самостоятельно, без посторонней помощи. В некоторых случаях в каких-то ситуациях родителям кажется, что они могут решить проблему сами, а в каких-то, наоборот, их ресурсов недостаточно.

«Иногда кажется, что нет, а иногда — что да. И не знаешь, как бы... Но если так, то я обращаюсь к О.А., к психологу. А так, я надеюсь, что хватает» (кейс 29).

Одну из наиболее многочисленных групп ресурсов по количеству упоминаний составляет социальная поддержка друзей (14), которая включает беседы, консультации по разным вопросам, совместный отдых. Ресурсы поддержки со стороны родственников и членов семьи включают, как правило, помощь в воспитании ребенка, например выполнение домашних заданий, советы, проведение свободного времени с ребенком, контроль за ним и т.д. (12), материальную поддержку, возможность посоветоваться, обсудить проблемы, выговориться (7).

«Если есть возможность, я хожу, я работаю до 5, иногда не получается. Иногда, если подруга может, у меня подруга забирает старшего ребенка и ездит. Подруги помогают» (кейс 29).

Многие респонденты считают ресурсом собственную активность и мотивацию в решении проблем (12), а также самостоятельный поиск путей решения при осознании серьезности образовавшейся проблемы (5). Еще пять родителей отметили, что помимо мотивации старались всеми возможными способами решить проблему: искали специалистов, пытались наладить отношения с детьми, самостоятельно обратились в ЦСПСиД и т.п. Значительную мобилизацию ресурсов продемонстрировали родители, которые были лишены родительских прав, но потом восстановились в правах. На пути возвращения детей они мобилизовали материальные ресурсы, обратились за помощью в государственные организации (4).

«Получается, я сама пыталась найти психолога, то есть когда непосредственно у нее (дочери) начались проблемы и с “Китом” («группа смерти» в социальной сети), и со всем этим, вместе в совокупности. И каким-то образом телефон искала в Интернете, туда-сюда звонила, вышла на этот центр» (кейс 71).

Помощь со стороны специалистов различных профилей также расценивается как важный ресурс (11). Чаще всего родители упоминают неформальную поддержку со стороны специалистов, которая вызвана с точки зрения респондентов личными побуждениями. Гиперопека специалиста способствует тому, что родители переносят на них ответственность за решение своих проблем.

«Е. (специалист по социальной работе ЦСПСид) очень помогает, везде со мной ходит. По всем моим делам. Как моя подружка, как моя вторая мама, не знаю. Она большое ухо, большой глаз, короче, она везде за меня. Она знает, что я немножко туповатая, могу где-то упустить, могу где-то не запомнить, могу что-то ее, потому что другие дела постоянно, и она со мной всегда везде ходит, контролирует каждый мой процесс. Как я с ребенком в поликлинику хожу, как дочка в школу прошла, как лагерь как там все, короче, — везде. Это классно, везде мне помогает мне, потому что эта помощь — везде со мной ходит, вещи дают мне здесь, ну, и все в принципе» (кейс 83).

Специалисты из образовательных учреждений и учреждений культуры/спорта оказывают поддержку не только детям, но и родителям, помогая им в воспитании, мотивации и контроле над детьми. Например, тренер спортивной секции может поддерживать и мотивировать ребенка, тем самым помогая родителям в воспитании.

«Учителя музыкальной школой — они и мне тоже очень морально помогают, потому что там мужчины. И я им говорю: “Ребята, без вас мне будет сложнее”. Тренер — так же» (кейс 46).

О таком ресурсе, как внутренняя сила, сильный характер, осознание ответственности за себя, за ребенка и за семью в целом упомянули 8 респондентов, отмечая, что именно эти черты характера не позволили им сдаться в трудной ситуации. К категории внутренних ресурсов также относятся самостоятельность и независимость матери (3), которые являются их сильной стороной и ресурсом семьи в целом.

«Я просто уже так привыкла. // Сама? // Да, все сама, сама, с 18 лет, и у меня уже все» (кейс 29).

Наличие у матерей навыка решения проблем и воспитания детей является важным фактором жизнестойкости их семьи (4). С проблемами

родителям помогает справиться и опыт воспитания детей, и решение подобных проблем ранее. Отношения между родителями и детьми также воспринимаются как ресурс семьи (6). Для родителей важно и ценно, что они нашли подход к детям, а также доброжелательная обстановка в семье и тесное общение с ребенком.

«...у нас до сих пор с ним доверительные отношения. Если он что-то натворил, он приходит и мне говорит. Если он не делал этого, он говорит мне: “Я не делал этого”. И мне свойственно верить ему» (кейс 37).

В целом такой ресурс, как помощь со стороны родственников и членов семьи, является одним из самых значимых, что подтверждает результаты предыдущих исследований о важности социального окружения для семьи. Однако отношения с ребенком и положительные внутрисемейные отношения не рассматриваются родителями как залог выхода из трудной жизненной ситуации.

В таблице 1 мы сравнили частоту упоминания ресурсов родителями и специалистами.

Таблица 1

Ресурсы семьи на основе интервью с родителями и специалистами

Ресурсы семьи	Количество упоминаний	
	Родители	Специалисты
Поддержка родственников и членов семьи	35	11
Личностные качества родителей	15	17
Осознание проблемы и мотивация	12	15
Социальная поддержка со стороны друзей и знакомых	14	3
Помощь со стороны специалистов ЦПСИД	11	5
Доверительные отношения между родителями и детьми	6	6
Материальная обеспеченность семьи	1	6

Осознание проблемы, мотивация и личностные качества родителя лидируют в качестве основного ресурса преодоления жизненных трудностей, по мнению как родителей, так и специалистов, которые оказывают им помощь. В целом родители идентифицируют значительно больше ресурсов преодоления жизненных трудностей, чем специалисты. Как мы видим, родители полагаются на помощь специалистов как на ресурс по разрешению трудностей значительно чаще, чем сами специалисты

называют свою помощь как ресурс выхода из трудной ситуации. Кроме того, они обладают значительно большими ресурсами социальной поддержки со стороны друзей и родственников, чем об этом знают специалисты.

3. Ресурсы ребенка с точки зрения специалистов

Следует отдельно рассмотреть сильные стороны ребенка, которые были упомянуты в контексте оценки ресурсов семьи, и внешние ресурсы социальной поддержки, доступные для ребенка. Многие специалисты обозначили как ресурс ребенка его личностные качества (13), в частности самостоятельность ребенка (5) как важную черту, которая помогает ему в сложившейся трудной ситуации. К внутренним ресурсам и сильным сторонам детей специалисты относят развитие навыков самостоятельного решения проблем (связанных с учебой в школе/колледже), проявление ответственности за свою жизнь (в том числе самостоятельное обращение за помощью к специалистам), мотивацию на обучение.

Лишь два специалиста (2) отметили, что наличие сильного характера у ребенка также во многом способствует тому, что семья и ребенок могут справиться с появившимися проблемами. Общительность и коммуникабельность (7) также немаловажный компонент в жизнестойкости ребенка. При этом специалисты отмечают открытость ребенка к общению не только с родственниками, друзьями, но и со специалистами, которая облегчает их работу. Также к личностным качествам ребенка, способствующим жизнестойкости, специалисты относят доброту, скромность, активную жизненную позицию и предрасположенность ребенка чаще проводить время дома с родителями, слушаться их.

Некоторые специалисты (10) отметили, что важным ресурсом ребенка является его увлечения, посещение кружков/секций (творческих, спортивных и т.д.), а также то, что ребенок легко увлекается любой деятельностью (2). Наличие спортивных и/или творческих увлечений рассматривается как показатель разностороннего развития ребенка.

Хорошая успеваемость детей также интерпретируется специалистами как ресурс (8). Специалисты неоднократно отмечали, что, несмотря на запущенность ребенка со стороны родителей, он хорошо образован, обладает интеллектуальными способностями, которые помогают ему/ей в жизни. В одном случае специалист отметил, что, несмотря на высокие умственные способности, ребенок не замотивирован на обучение.

Сильной стороной детей, согласно мнениям специалистов (3), является опыт работы, который уже показывает, что дети частично берут ответственность за свою жизнь на себя. Помощь родителям, которая

заключается в мотивации ребенка самостоятельно зарабатывать (5), и желание помогать родителям в уходе за младшими братьями, сестрами (2).

«Сильная сторона — это желание К. работать и самостоятельно зарабатывать деньги. Это поможет ей в жизни, она неленивая. И она увлекается игрой на гитаре, занимается лошаďями. А это же деньги. Вот она и старается заработать» (кейс 8).

Многие респонденты отметили ресурсы социальной поддержки со стороны членов семьи в таких сферах, как поиск работы, внешкольная деятельность, приобретение навыков, необходимых в будущей жизни, а также с точки зрения восприятия положительного опыта членов семьи (7). Зачастую дети могут получать поддержку со стороны родственников, а не родителей.

«Положительный опыт он больше от сестры перенес. Девочка она самостоятельная. <...> она успешно обучалась в школе, и в социальном деле запись, что девочка положительная. <...> Чувствуется, что поддержка есть от сестры. Я с ней единственный раз общалась по телефону и даже в диалоге поняла, что девочка хорошая» (кейс 24).

Некоторые специалисты отмечают, что ресурсом ребенка являются как доверительные отношения в семье в целом, так и сильная эмоциональная привязанность к матери или бабушке (4). Ни один из респондентов не упомянул о близких, доверительных отношениях ребенка с отцом, что может быть связано с отсутствием контакта между специалистом и отцом (отчимом, опекуном) или тем, что отец не принимает участие в жизни ребенка.

«Но у них между мамой и дочерью очень теплые доверительные отношения, поэтому они могут все обговорить и все проблемы, я думаю, они могут решить самостоятельно» (кейс 44).

Следующую группу внешних ресурсов составляет поддержка специалистов ЦСПСиД, которую можно рассмотреть в двух аспектах: помощь, оказываемая в рамках комплекса услуг ЦСПСиД (2), и неформальная помощь, которая не входит в их профессиональные обязанности (4). К первой группе можно отнести такие виды помощи, как организация досуга, психологические консультации, коррекция детско-родительских отношений, медицинские, социально-бытовые услуги.

«Даже мама считала сначала, что К. ездит в центр на развлечения. То есть неправильные представления. Но когда абсолютно зажатый ребенок начал рисовать, активизировалась, маме шишла сама ангелочка, мама поверила. Если бы ее начать реабилитировать лет в 11–12, то она была бы уже на сцене. У нее получается» (кейс 14).

Ко второй группе чаще всего относится помощь детям в решении трудностей с учебой в школе: специалисты занимаются с детьми изучением отдельных школьных предметов, помогают делать домашние задания, но также могут проводить вместе досуг ребенка — сопровождают в торговый центр для покупки одежды, в парикмахерскую и т.д.

«У меня достаточно тесные контакты с Л., я с ним работаю много, я веду подростковый клуб, он ко мне приходит раз в неделю, плюс, я с ним дополнительно занимаюсь, мы с ним об уроках разговариваем. Чем могу, помогаю, это не входит в оказание услуг, это просто добровольные наши взаимоотношения» (кейс 20).

Более того, в некоторых случаях специалисты интерпретируют наличие доверительных отношений с ребенком как ресурс, оценивают себя как значимого взрослого в жизни ребенка, так как становятся ему близким человеком, другом, тем, кто ему всегда поможет, будет рядом и с кем можно будет обсудить проблемы, так как часто родители не являются доверенным взрослым для своих детей (4).

«Мы с этой девочкой долго говорили откровенно, я рассказывал какие-то истории и своей жизни, мы делились с ней, чем бы она должна была делиться с мамой... Я думаю, что теперь, наверное, таким 50 на 50 с мамой куратором всяких ее проблем, в решении которых я принимаю участие, наверное, это я. Честно, без всяких... Сначала она может позвонить или написать сначала мне, посоветоваться, а потом, когда уже какую-то ситуацию мы с ней проигрываем, она может... Я просто говорю: “Ты маме об этом сказала?”» (кейс 6).

Другим источником социальной поддержки являются друзья ребенка (5), которые оказывают моральную поддержку, дают советы (например, подруга одной из девочек предложила обратиться в ЦСПСиД за помощью), а также проявляют заботу, которую иногда не могут обеспечить родители (например, молодой человек забил тревогу, что с девушкой что-то не так, у нее есть проблемы).

«У Л. очень сильно заболел живот. Мама сказала: “Ты, наверное, больше придуриваешься, чем он у тебя болит”, — а мой сын забил тревогу и естественно стал спрашивать меня, что надо делать в данной ситуации. И я снимала ей номерок к врачу, он с ней ездил, сопровождал ее, чтобы сделать УЗИ и выяснить, от чего болит живот» (кейс 6).

Также специалиста выделили ресурсы, которых не хватает детям со стороны их родителей. В основном информанты отмечают недостаток внимания со стороны родителей, отсутствие их участия в жизни собственных детей, как следствие, дети ищут внимание у работников центра или становятся более самостоятельными, берут на себя ответственность за свою жизнь, обучение в школе, занятия в свободное время (4).

4. Ресурсы ребенка с точки зрения родителей

Здесь представлены сильные стороны детей на основании анализа интервью с родителями или другими официальными представителями. Учитывая достаточно большое количество качеств, которые были упомянуты в процессе интервью, ресурсы детей были категоризированы по следующим подгруппам: физическое развитие и безопасность, психологическое и эмоциональное развитие, социальное развитие, когнитивное и эмоциональное развитие, творческие увлечения и способности, ресурсы социальной поддержки ребенка. Также отдельно рассматриваются качества, которые не относятся ни к одной из категорий, но, согласно данным предыдущих исследований, могут выступать в качестве защитных факторов и ресурсов детей.

Одну из наиболее значительных групп составляют ресурсы детей, относящиеся к физическому здоровью, развитию и безопасности (23). К данной сфере относятся достижения ребенка в спорте, общее физическое развитие (без указания на увлечение или спортивные достижения), позитивные привычки в сфере здоровья (4), внимательное отношение к своему здоровью, самостоятельный уход за здоровьем и внимание к внешнему виду.

Творческие способности составляют отдельную категорию ресурсов, которая включает в себя как достижения в той или иной области (рисование, музыка), так и увлечения ребенка в сфере музыки, художественного, актерского искусства, танцев, скульптура, моделирование.

«Он очень хорошо пел. У него почти абсолютный слух был, и мы это, предложили, хочешь послушаться, в хорое училище пойти

учиться, там учатся только одни мальчишки. Он говорит: “Да, хочу”. Сходили послушаться, и его с руками-ногами взяли» (кейс 46).

К ресурсам социального развития (или социальной компетентности) относятся коммуникативные навыки, в частности умение устанавливать контакт со сверстниками, младшими детьми и взрослыми, навык преодоления конфликтов, просоциальная ориентация, которая выражается в стремлении помочь окружающим, и способность взять на себя ответственность за решение проблемы в кризисной ситуации. К данной категории также относятся лидерские качества, навыки управления рисками, которые позволяют быть устойчивым к рискованному поведению, в том числе вследствие негативного влияния со стороны социального окружения, а также устойчивость к негативному влиянию сверстников в сфере обучения.

«Он не причисляет себя к тому коллективу, который как бы... сейчас же не модно учиться, не модно быть отличником. Это не модно. То есть дети, которые занимаются, не модно, поэтому там надо быть посредственностью такой, ничего не делать. А так как ребенок нацелен на вуз, у него по-другому это все, у него есть время и на игры и на компании, я не могу сказать, что он прямо такой ботаник, дома сидит — нет, он очень активный прекрасный ребенок, но просто он не асоциал, вот» (кейс 73).

В одном из случаев определение респондентом ресурсов ребенка основывалось на сравнении личностных качеств и поведенческих особенностей, которые относятся к сферам когнитивного развития и социальной компетентности, с поведением взрослого человека (1).

«Он, такие у него скачки, что он много знает уже. Такой как взрослый. Маленький взрослый. Вопросы, рассуждения, может любого утешить, маме сказал, что Бог его в темечко поцеловал» (кейс 10).

Индикаторы психологического и эмоционального развития составляют самую малочисленную группу ресурсов ребенка. К ним относятся высокая самооценка, самоэффективность (твердость и уверенность в своих силах), устойчивость или твердость («сильный характер»), а также внутренняя мотивация, которая выражается в способности ребенка работать над собой для преодоления страхов и комплексов и в стремлении справиться с трудными ситуациями в школе.

«Я знаю, что она очень ответственная, она очень как сказать даже... твердая. Если она сказала, то так и будет. <...> практически всегда уверенная в себе, в своих возможностях, ну такая сильная! Она даже как не девчонка, у нее характер такой, прямо стойкий, все она должна — сделает <...> у нее больше такие мальчиши... мальчишковые такие вот эти все, вот эта твердость, уверенность. Вот я, например... я спокойна за вот... даже если она не поступит туда, куда хочет, все равно она... все равно добьется» (кейс 56).

«Сильных много, я бы даже сказала не то, что в буквальном смысле она сильная, в духовном, в эмоциональном — можно сказать так» (кейс 17).

Переживание счастья, упомянутое четырьмя информантами, только в одном случае было связано с конкретным событием в жизни ребенка: с появлением романтических отношений. В остальных случаях переживание счастья обосновывалось психологическими особенностями ребенка и как результат увлечения (когда занимается и показывает результат своего увлечения).

«У него как раз с этого момента, когда он достигает, склеивает, показывает кому-то. В техникуме по крайней мере стали ценить его достижения» (кейс 89).

«Она счастлива, как я, любым каким-то мелочам. Побывать со мной, побывать с собачкой, ну там мальчишки внимание уделили, ну с подружкой сходить. <...> Мама что-то купит, даже саму вкусняшку, она очень счастлива. Она просто такой ребенок» (кейс 43).

Родители интерпретируют в качестве ресурсов и сильных сторон ребенка когнитивные способности, к которым относят способность к быстрому освоению новой информации, способность к учебе в школе в целом, достижения в учебе (победа или призовые места в олимпиадах по школьным предметам, хорошая успеваемость), а также интеллектуальные способности ребенка безотносительно к сфере и достижениям. К данной группе также относятся увлечения, связанные с интеллектуальной деятельностью: бумажное моделирование, история, искусство. Интеллектуальные способности, связанные с определенной сферой или навыком, были упомянуты четырьмя информантами. Тем не менее некоторые информанты, несмотря на осведомленность о на-

личии достижений в обучении ребенка, затруднились назвать предметную область.

«В олимпиадах каких-нибудь участвовал? // Да, и медали получал разные... <...> Он каждый год. У них что-то там бывает. В том году он получил, по-моему, 1 место даже... // И: Это по какому предмету? // Я не помню, что-то у них там было. У них там разные всегда, я уже не запоминаю. Я не помню, честно говоря» (кейс 29).

Одну из наиболее многочисленных групп ресурсов ребенка составляют ресурсы социальной поддержки: поддержка со стороны учителей/преподавателей или тренера (8), родственников или членов семьи ребенка (11), друзей и девушки/молодого человека (6) и друзей родителей (3). Поддержка учителей, кураторов в профессиональных лицеях и колледжах или тренера спортивной секции, которую посещает ребенок, может выражаться в наличии доверительных отношений с преподавателем, помощи в учебной деятельности (помимо формального взаимодействия), контроле за поведением и успеваемостью ребенка, помощи в разрешении конфликтов с одноклассниками. Во многих случаях ключевым фактором являются отношения родителей и учителя, куратора или тренера.

«Мастер старается следить за ним. Я знаю, что пришел-не пришел, мастер отзвонится всегда» (кейс 51).

Помощь со стороны родственников включает в себя организацию досуга ребенка, совместное проведение времени с ребенком, помощь в освоении школьных предметов. Гораздо реже (3) поддержка со стороны члена семьи связывалась с материальной помощью: улучшением условий проживания ребенка и подарками (деньгами, игрушками, вещами). Поддержка специалистов — социальных педагогов, специалистов по социальной работе Центров социальной помощи семье и детям, сотрудников НКО заключается в неформальной помощи, которая не входит в сферу профессиональной деятельности специалистов: помощь с выполнением домашних заданий, контроль за успеваемостью в школе, психологическая поддержка ребенка при наличии доверительных неформальных отношений.

Помимо вышеперечисленных сильных сторон, в качестве ресурсов ребенка родители называли широкий спектр личностных качеств: доброта, честность, прямолинейность, справедливость, умение принимать решения,

надежность и верность друзьям и родным, внимательность, спокойствие, трудолюбие. Обобщенные личностные характеристики ребенка («добрый», «умный») без указания на конкретные достижения, конкретизации могут быть связаны с эффектом социальной желательности.

Маскулинные качества были названы в качестве сильных сторон ребенка в четырех случаях. Родители делают акцент на мужественности, «мужском» поведении мальчика, которое проявилось как следствие негативных семейных событий, например развода родителей, или под влиянием общения с членами семьи (отчимом).

«У него есть стержень мужской. И он сейчас думает, как будущее свое устроить. Он не мямля. Он может свою мысль высказать и добиться своего» (кейс 60).

Специалисты и родители отмечали важность участия мужчины в жизни мальчиков: согласно их ответам, мама не справляется с воспитанием мальчика, не обладает авторитетом. Респонденты в то же время отмечали положительное влияние общения с мужчиной (дедушкой, отчимом) на поведение и психологическое состояние ребенка, при этом ресурсом считается сам факт наличия отца (отчима, дедушки) — его сильные стороны или конкретное влияние на жизнь семьи в целом и ребенка не упоминаются, что может быть интерпретировано наличием у специалистов модели «благополучной» семьи, в которой обязательно присутствуют оба родителя, которая находится в рамках понимания семьи на государственном уровне.

«У Б. хорошие взаимоотношения с дедушкой, что очень позитивно влияют на ситуацию — все-таки есть мужчина в семье» (кейс 40).

«Отчим. Повысим планку, потому что уже более... 11 лет, уже объяснять уже надо и мальчику по возрасту, и состояние его... Научил купаться, плавать, на велосипеде научил — то, что папа не научил до этого времени. Разговоров больше стало, общения ему» (кейс 3).

Двое информантов в качестве ресурсов ребенка отметили самостоятельный заработок ребенка, один из родителей — навыки управления расходами.

«А за эти 2 года, что он учится в колледже — он получается дополнительное образование и плюс он летом ходил на практику, он уже

работал сам, в типографии, он зарабатывал деньги свои, отдавал мне все до копейки, говорил: «Мам, мне надо то-то, то-то купить», — и мы ходили с ним вместе и покупали, это были его необходимости за его деньги. <...> Он оставлял деньги на питание, на мобильный телефон, себе на дорожник положить. Правда, он старался тратить деньги не только для своих целей, а приносил их в семью» (кейс 78).

Родители, которые приняли участие в настоящем исследовании, не рассматривали в качестве ресурса ребенка доверительные отношения и поддержку со своей стороны. Мы предполагаем, что этот ресурс мог приниматься «по умолчанию», так как в процессе интервью многие упоминали стремление изменить свое поведение для установления доверительных отношений с ребенком, поддержку выбора будущей профессии и т.д. Информанты упоминали следующие характеристики поведения ребенка в отношениях с родителем: эмпатия как фактор, способствующий преодолению конфликта с родителем (1), «управляемость», покладистость (3).

«Он еще достаточно хитрый, не то, что хитрый, маленький психолог, как я их называю. Они очень чувствуют мое настроение, не то, что настроение, а хорошо или плохо, он видит и говорит: «мам, давай я тебе чай приготовлю» и т.п. Где-то поможет, где-то...» (кейс 78).

В большинстве случаев в качестве ресурсов и сильных сторон ребенка родители называют навыки, относящиеся к социальному развитию ребенка, и ресурсы социальной поддержки. Гораздо реже родителями упоминались творческие способности, параметры психологического и эмоционального развития.

В таблице 2. представлены распределения ответов родителей и специалистов о ресурсах и сильных сторонах ребенка.

Таблица иллюстрирует, что специалисты в целом значительно менее информированы о сильных сторонах ребенка. Лучше всего они информированы о ресурсах социальной поддержки, имеющихся у ребенка. Практически так же часто, как и родители, они информированы о творческих способностях и увлечениях ребенка. Они мало знают о социальных навыках и компетенциях детей, однако лучше информированы о своей роли в жизни ребенка.

Таблица 2

**Ресурсы и сильные стороны ребенка по оценкам родителей
и специалистов**

Ресурсы, сильные стороны ребенка	Количество упоминаний	
	Родители	Специалисты
Социальные навыки и компетенции	40	13
Социальная поддержка	32	21
Родственники, члены семьи	11	6
Друзья ребенка	6	5
Учителя/тренеры/кураторы	8	-
Друзья родителей	3	-
Социальная помощь (ЦСПСиД, НКО)	4	10
Другие ресурсы/сильные стороны	24	13
Целеустремленность	8	-
Самостоятельность	4	5
Маскулинные качества	4	-
Самостоятельный заработок	3	3
Желание самостоятельно зарабатывать	-	5
Ответственность	5	-
Физическое здоровье и развитие	23	1
Творческие способности и увлечения	10	8
Когнитивное развитие и образование	19	10
Психологическое и эмоциональное развитие	9	-

Заключение

Один из наиболее часто упоминаемых специалистами ресурсов — осознание родителем проблемы — не является ресурсом, а, согласно теоретической модели исследования (Schafer, Shippee, Ferraro 2009), представляет собой первый шаг на пути мобилизации семейных и индивидуальных ресурсов. Говоря о ресурсах семьи, специалисты в подавляющем большинстве случаев имеют в виду мотивацию матери,

ее личностные и поведенческие особенности, способность обеспечить детей всем необходимым, при этом из семейных ресурсов полностью выпадают мужчины — отцы, отчимы, дедушки.

Ресурсы семьи интерпретируются родителями и специалистами по социальной работе с позиции характеристик и возможностей родителей, в них не включаются возможности и характеристики детей и характеристики семьи в целом, такие как качество отношений между детьми и родителями, между взрослыми членами семьи, родительские навыки. Кроме того, специалисты в процессе интервью о семье крайне редко упоминают ресурсы и сильные стороны ребенка, который рассматривается как зависимый от родителей и семейных условий.

Обнаруженное в исследовании рассогласование в оценке ресурсов жизнестойкости родителями и специалистами подтверждает гипотезу, сформулированную в начале статьи. Разница в оценке ресурсов может объясняться тем, что диагностика семейной ситуации, которая выполняется при поступлении семьи на социальное обслуживание, не предусматривает оценки семейных ресурсов. Идентификация ресурсов и их использование в социальной работе полностью зависит от индивидуальной профессиональной стратегии специалиста и, по-видимому, других факторов, в том числе ориентации социальной работы на устранение проблемы (медицинская модель), но на социальной основе (включающей выявление и мобилизацию собственных ресурсов получателей социальной помощи).

Наибольшее значение придается личностным качествам и мотивации матери, какими бы ни были проблемы семьи. Это может быть следствием недостаточного общения специалиста по социальной работе с ребенком. Оценка потребностей при планировании работы с семьей осуществляется на основании беседы с родителями и выходов в адрес без учета субъективно воспринимаемых потребностей ребенка, дети оказываются исключенными из системы оценки потребностей. Другая возможная интерпретация недооценки сильных сторон ребенка в качестве ресурсов семьи связана с традиционным подходом к рассмотрению детей как «объекта воздействия» со стороны взрослых членов семьи, полностью зависящих от действий взрослых членов семьи.

Другую значительную группу ресурсов семьи составляют ресурсы социальной поддержки (родственники, члены семьи и друзья) родителей и личностные качества родителей, связанные с мотивацией к улучшению негативной ситуации. Доверительные отношения родителей с ребенком и положительные внутрисемейные отношения не являются приоритетными ресурсами с точки зрения родителей и специалистов по социальной

работе. Мнения родителей и специалистов относительно сильных сторон ребенка в целом совпадают — основное внимание уделяется внешним, социальным ресурсам (поддержка родственников, учителей, специалистов, друзей).

Анализ ресурсов семьи и ребенка проводился в этом исследовании на основе оценки специалистов и самоотчетов родителей, объективные показатели при этом не учитывались. В то же время исследование позволило получить качественную интерпретацию понятий ресурсов жизнестойкости семьи и ребенка. Ресурсы определяются субъективно. Их нужно уметь увидеть и использовать во благо семьи. Для того чтобы ресурсы семьи и ребенка были использованы для выхода из кризиса или трудной жизненной ситуации, необходимо 1) идентифицировать ресурсы семьи с особым вниманием на ресурсы социального окружения (со стороны членов семьи ребенка, друзей); 2) беседовать с ребенком и прояснять его собственные ресурсы и потребности; 3) стимулировать получателей услуг к активному поиску внутренних и внешних ресурсов для разрешения ситуации, в том числе предлагать информацию об источниках, где родители могут самостоятельно получить поддержку (например, это могут быть благотворительные организации); 4) снижать патернализм, развивать сотрудничество с родителями и способствовать развитию у них навыков разрешения трудных жизненных ситуаций. Особенно этот касается семей, которые длительно находятся на социальном обслуживании без положительной динамики.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта «Социальные траектории детства в современной России», поддержанного грантом Российского научного фонда № 16-18-10372. Авторы глубоко признательны Комитету по социальной политике Правительства Санкт-Петербурга и руководителям центров социальной помощи семье и детям за содействие и поддержку. Отдельно выражаем благодарность участникам исследования — родителям (опекунам) и специалистам по социальной работе, которые искренне делились своим опытом и взглядами и без которых это исследование было бы невозможно.

Литература

Байбородова Л. (2017) *Социально-педагогическое сопровождение проблемных семей*. М.: Владос.

Гурович И.Я., Сторожакова Я.А. К вопросу о значении понятия жизнестойкости в психиатрии. *Социальная и клиническая психиатрия*, 2010, 20(3): 81–85.

Любимова А.И., Одиноква В.А., Ерицян К.Ю., Авдеева В.П., Захарова Ю.П., Русакова М.М. Лонгитюдное исследование на службе общества: методика изучения кейсов семей в системе социального обслуживания населения. Кулешова А.В. (ред.) *Материалы VIII международной социологической Грушинской конференции «Социолог 2.0: трансформация профессии»*. М.: АО «ВЦИОМ», 2018: 155–160.

Махнач А.В. (2016) *Жизнеспособность семьи: новый объект и концептуальные предпосылки исследования*. Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание. М.: Ин-т психологии РАН: 350–375.

Махнач А.В., Дикая Л.Г. (2016) *Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты*. М.: Ин-т психологии РАН.

Махнач А.В., Лактионова А.И., Постылякова Ю.В. (2014) Программа психологической диагностики личностных и семейных ресурсов в практике отбора, обучения и сопровождения замещающих родителей. Дикая Л.Г., Журавлев А.Л., Холодная М.А. (ред.) *Методы психологического обеспечения профессиональной деятельности и технологии развития ментальных ресурсов человека*. М.: Ин-т психологии РАН: 166–193.

Махнач А.В., Лактионова А.И., Постылякова Ю.В. (2018) Жизнеспособность и семейные ресурсы замещающих родителей. *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*, 15(4): 45–54.

Муздыбаев К. (1998) Стратегии совладания с жизненными трудностями: теоретический анализ. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 1 (2): 100–111.

Постылякова Ю.В. (2015). Индивидуальные и семейные ресурсы у кандидатов в замещающие родители. Махнач А.В. и др. (ред.) *Проблема сиротства в современной России: Психологический аспект*. М.: Ин-т психологии РАН: 459–477.

Трубина Е.Г. Жизнестойкость и ее обсуждение в российском и зарубежном социально-гуманитарном знании. *Известия Уральского федерального университета*, 2016, 11(3): 65–77.

Alberth L., Bühler-Niederberger D. (2015) Invisible children? Professional bricolage in child protection. *Children and Youth Services Review*, 57:149–158.

Clausen J. S. (1991) Adolescent competence and the shaping of the life course. *American journal of sociology*, 96(4): 805–842.

Friborg O. (2014) Resilience and adaptation. Ben-Aryeh A. et al. (eds.) *Handbook of child well-being: Theories, methods and policies in global perspective*. New York: Springer: 563–566.

Henry C.S., Sheffield Morris A., Harrist A.W. (2015) Family resilience: Moving into the third wave. *Family Relations*, 64(1): 22–43.

Lösel F., Bliesener T., Köferl P. (1989). On the concept of invulnerability: Evaluation and first results of the Bielefeld project. Brambring M., Lösel F.,

Skowronek H. (eds.) *Children at risk: Assessment, longitudinal research, and intervention*. N.Y.: Walter de Gruyter: 186–219.

Masten A. S. (2014) Global perspectives on resilience in children and youth. *Child development*, 85 (1): 6–20.

Masten A. S. et al. (2004) Resources and resilience in the transition to adulthood: Continuity and change. *Development and psychopathology*, 16(4): 1071–1094.

McCubbin H.I., Patterson J.M. (1983) The family stress process: The Double ABCX model of adjustment and adaptation. *Marriage and Family Review*, 6: 7–37.

Ruiz-Casares M. et al. (2014) Cultural roots of well-being and resilience in child mental health. *Handbook of child well-being*. Dordrecht: Springer: 2379–2407.

Schafer M.H., Shippee T.P., Ferraro K.F. (2009) When Does Disadvantage Not Accumulate? Toward a Sociological Conceptualization of Resilience. *Schweizerische Zeitschrift fur Soziologie. Revue suisse de sociologie*, 35(2): 231–251.

Ungar M. (2004) The importance of parents and other caregivers to the resilience of high-risk adolescents. *Family process*, 43(1): 23–41.

Walsh F. (2016) Family resilience: A developmental systems framework. *European Journal of Developmental Psychology*, 13(3): 313–324.

Werner E. E., Smith R. S. (2001) Journeys from childhood to midlife: Risk, resilience, and recovery. Introduction to the special issue on resilience. *Substance Use & Misuse*, 39(5): 657–670.

Источники

Аналитические материалы о положении детей и семей, имеющих детей, в Санкт-Петербурге (2017) Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение «Городской информационно-методический центр «Семья». [<http://www.homekid.ru/analiticheskie-materialyi-o-polozhenii-detej-i-semej-v-sankt-peterburge.html>] (дата обращения: 01.04.2019).

Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 10 июля 2012 г. № 695 «О Концепции семейной политики в Санкт-Петербурге на 2012–2022 гг.» [<http://docs.cntd.ru/document/822401007>] (дата обращения: 01.04.2019).

Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24.06.1999 № 120-ФЗ [http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509/] (дата обращения: 01.04.2019).

Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28.12.2013 № 442-ФЗ [http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/] (дата обращения: 01.04.2019).

RESILIENCE RESOURCES AT THE FAMILIES AND CHILDREN RECEIVING THE STATE SOCIAL HELP

Vladlena Avdeeva

(vladlena.avdeeva@gmail.com),

Anastasiya Ruppel

The Sociological Institute of RAS — branch of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia

Citation: Avdeeva V., Ruppel A. (2019) Resursy zhiznestoykosti u semey i detey, poluchayushchikh gosudarstvennyuyu sotsial'nuyu pomoshch' [Resilience resources at the families and children receiving the state social help]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 22(3): 80–112 (in Russian).

<https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.3.4>

Abstract. Most social studies of children in the social welfare system focus on the problem situation and risk factors faced by a family and a child. The aim of this study is to analyze the interpretations of the resources of families with children who receive services in governmental centers for social assistance for families and children in St. Petersburg. The analysis was carried out from the parents' (or other legal representatives of children) and social workers' perspectives. The research sample includes 36 cases; each case is a story of a child receiving state social services. The case is formed on the basis of focused interviews with the parents and specialists. Within the qualitative data analysis, we identified interpretations of resilience resources of family and child according to the parents' and specialists' perspectives and compared these interpretations. Speaking about the family resources, specialists, in the overwhelming majority of cases, mean mothers' motivation, her personal and behavioral traits, and the ability to provide children with everything they need. Men — fathers, stepfathers, and grandfathers completely fall out of the picture of family resources. Little attention was paid to the quality of parent-child relationships and relationships between the adult family members, as well as to the child's resources. Parents told about resources of support from the relatives, family members, friends, and acquaintances, as well as their own personal traits. The comparison of these two interpretations showed that social workers underestimate the family's and child's resources. This underestimation could be explained by the features of the needs assessment system which does not include analytical methods for collecting information about the family, as well as gender and generational inequality, according to which a mother is responsible for the family well-being, and the child is seen as a part of the family but not an independent subject of assistance and active agent in the process of taking the family out of a difficult life situation.

Keywords: resources, resilience, risk and protective factors, social work, children, parents.

Acknowledgements

The research is executed within the “Social Trajectories of the Childhood in Modern Russia” project supported by a grant of the Russian scientific fund No. 16-18-10372.

References

- Alberth L., Bühler-Niederberger D. (2015) Invisible children? Professional bricolage in child protection. *Children and Youth Services Review*, 57: 149–158.
- Bayborodova L. (2017) Sotsial'no-pedagogicheskoye soprovozhdeniye problemnykh semey. [Socio-pedagogical support of problem families]. Moscow: VLADOS (in Russian).
- Clausen J.S. (1991) Adolescent competence and the shaping of the life course. *American journal of sociology*, 96(4): 805–842.
- Friborg O. (2014) Resilience and adaptation. Ben-Aryeh A. et al. (eds.) *Handbook of child well-being: Theories, methods and policies in global perspective*. New York: Springer: 563–566.
- Gurovich I.YA., Storozhakova YA.A. (2010) K voprosu o znachenii ponyatiya zhiznestoykosti v psikiatrii. [On the question of the meaning of the concept of resilience in psychiatry]. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikiatriya*. [Social and Clinical Psychiatry], 20(3): 81–85 (in Russian).
- Henry C.S., Sheffield Morris A., Harrist A.W. (2015) Family resilience: Moving into the third wave. *Family Relations*, 64(1): 22–43.
- Lösel F., Bliesener T., Köferl P. (1989). On the concept of invulnerability: Evaluation and first results of the Bielefeld project. In: Brambring M., Lösel F., Skowronek H. (eds.) *Children at risk: Assessment, longitudinal research, and intervention*. New York: Walter de Gruyter: 186–219.
- Lyubimova A.I., Odinokova V.A., Eritsyun K.Y., Avdeeva V.P., Zakharova Y.P., Rusakova M.M. (2018) Longityudnoye issledovaniye na sluzhbe obshchestva: metodika izucheniya keysov semey v sisteme sotsial'nogo obsluzhivaniya naseleniya. [Longitudinal study at the service of society: a method of studying families in the system of social services]. In: Kuleshova A.V. (ed.) *Materialy VIII mezhdunarodnaya sotsiologicheskaya Grushinskoy konferentsii «Sotsiolog 2.0: transformatsiya professii»* [Materials of the VIII International Sociological Grushinsky Conference “Sociologist 2.0: Transformation of the Profession”]. Moscow: AO «VTSIOM»: 155–160 (in Russian).
- Makhnach A.V. (2016) *Zhiznesposobnost' sem'i: novyy ob'yekt i kontseptual'nyye predposylki issledovaniya* [Family resilience: A New Object and the Conceptual Background to the Study]. Psikhologiya povsednevnogo i travmaticheskogo stressa: ugrozy, posledstviya i sovladaniye Ser. Trudy Instituta psikhologii RAN [Psychology of everyday and traumatic stress: threats, consequences and coping Ser. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: Institut psikhologii RAN: 350–375 (in Russian).
- Makhnach A.V., Dikaya L.G. (2016) *Zhiznesposobnost' cheloveka: individual'nyye, professional'nyye i sotsial'nyye aspekty* [Human resilience: individual, professional and social aspects]. Moscow: Institut psikhologii RAN (in Russian).
- Makhnach A.V., Laktionova A.I., Postilyakova Y.V. (2014) Programma psikhologicheskoy diagnostiki lichnostnykh i semeynykh resursov v praktike otbora, obucheniya i soprovozhdeniya otpuskayushchikh roditel'ey [A program for the psychological diagnosis

of personal and family resources in the practice of selecting, training, and accompanying substitute parents]. In: Dikaya L.G., Zhuravlev A.L., Kholodnaya M.A. *Metody psikhologicheskogo obespecheniya professional'noy deyatel'nosti i tekhnologii razvitiya mental'nykh resursov cheloveka* [Methods of psychological support of professional activity and technology for the development of human mental resources]. Moscow: Institut psikhologii RAN: 166–193 (in Russian)

Makhnach A.V., Laktionova A.I., Postylyakova Y.V. (2018) Zhiznesposobnost' i semeynnye resursy zameshchayushchikh roditel'ey [Viability and Family Resources of Substitute Parents]. *Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki na Dal'nem Vostoke* [Social and Human Sciences in the Far East], 15(4): 45–54 (in Russian).

Masten A.S. Global perspectives on resilience in children and youth. *Child development*, 2014, 85(1): 6–20

Masten A. S. et al. (2004) Resources and resilience in the transition to adulthood: Continuity and change. *Development and psychopathology*, 16(4): 1071–1094.

McCubbin H.I., Patterson J.M. (1983) The family stress process: The Double ABCX model of adjustment and adaptation. *Marriage and Family Review*, 6: 7–37.

Muzdybayev K. (1998) Strategii sovladaniya s zhiznennymi trudnostyami: teoreticheskiy analiz [Strategies for coping with life difficulties: a theoretical analysis]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 1(2): 100–111 (in Russian).

Postylyakova Y. V. (2015). Individual'nyye i semeynnye resursy u kandidatov v zamenyayushchikh roditel'ey [Individual and family resources of candidates for foster parents]. In: Makhnach A.V. et al. (eds.) *Problema sirotstva v sovremennoy Rossii: Psikhologicheskyy aspekt* [The Problem of Orphanhood in Modern Russia: The Psychological Aspect]. Moscow: Institut psikhologii RAN: 459–477 (in Russian).

Ruiz-Casares M. et al. (2014) Cultural roots of well-being and resilience in child mental health. *Handbook of child well-being*. Dordrecht: Springer: 2379–2407.

Schafer M.H., Shippee T.P., Ferraro K.F. (2009) When Does Disadvantage Not Accumulate? Toward a Sociological Conceptualization of Resilience. *Schweizerische Zeitschrift fur Soziologie. Revue suisse de sociologie*, 35(2): 231–251.

Trubina E.G. Zhiznestojkost' i ee obsuzhdenie v rossijskom i zarubezhnom social'no-gumanitarnom znanii [Resilience and its discussion in Russian and foreign socio-humanitarian knowledge]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta* [News of the Ural Federal University], 2016, 11(3): 65–77 (in Russian).

Ungar M. (2004) The importance of parents and other caregivers to the resilience of high risk adolescents. *Family process*, 43(1): 23–41/

Walsh F. (2016) Family resilience: A developmental systems framework. *European Journal of Developmental Psychology*, 13(3): 313–324.

Werner E.E., Smith R.S. (2001) Journeys from childhood to midlife: Risk, resilience, and recovery. Introduction to the special issue on resilience. *Substance Use & Misuse*, 39(5): 657–670.